

УНИВЕРСИТЕТЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В.А. Конев*

УНИВЕРСИТЕТ: ИЗ ГАЛАКТИКИ ГУТЕНБЕРГА В ГАЛАКТИКУ ЦУКЕРБЕРГА

Университет, который до сих пор существует, — это университет, рожденный культурой Просвещения. Возникшие еще в XI–XII веках европейские университеты были качественно другими. Они не только своей структурой сообщества магистров и школяров копировали цеховой (корпоративный) принцип организации профессиональной деятельности в средневековой культуре, но и отвечали на ее запрос — хранить догмы знания и учить их истолковывать, а не исследовать и не производить новое знание. Культуре Нового времени требовался университет нового типа, который возник как университет гумбольдтовской модели.

Культура modernity, культура Нового времени, возникает в ходе многоходовой культурной революции, утверждающей возрожденческий принцип независимости человека, реформирующей отношение человека и Бога и провозглашающей суверенитет просвещенного разума. Основные особенности новой культуры, пришедшей на смену культуре средневековья, выражаются в том, что:

— это культура отраслевая, в которой существует разделение труда (мануфактура стала первой формой организации производства в новой культуре производства), в которой наука отделяется от рели-

* © Конев Владимир Александрович (vakonev37@mail.ru), Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева.

гии и искусства, сама наука становится дисциплинарной, а искусство предстает как система различных видов и т.д.;

— это культура монологичная — в ней звучит один голос, голос разума, который знает истину, и истина для всех одна;

— это культура рационалистическая — в ней существует строгая последовательность рассуждения, иерархия и субординация идей, дисциплина ума и поведения;

— это культура господства частного интереса, для которого польза (или отношение к пользе) выступает конечным оправданием всякого действия (или его объяснения).

Репрезентантом смыслов культуры Просвещения становится текст, который строится согласно заданным правилам. Поэтому именно с выработки правил начиналась культура Нового времени: законы прямой линейной перспективы Альберти, «Грамматика Пор-Рояля», «Рассуждение о методе» Декарта, «Поэтика» Буало, «Хорошо темперированный клавир» Баха, правила Баррема по бухгалтерскому учету и т.д. Все это было направлено на кодирование как внутренней, так и внешней структуры текста. А сама возможность такого рода кодирования была укоренена в возникновении и распространении книгопечатания. Здесь, в гутенберговом методе, который, по мысли Маршалла Маклюэна, автора термина «гутенбергова галактика», внедрял в сознание фиксированную, специализированную точку зрения, а в воспроизводимости и повторяемости видел критерий истины и практическую пользу, брали начало законы галактики Гутенберга, законы новой культуры и рождаемой ею цивилизации¹. Гравитационное напряжение пространства галактики Гутенберга определялось идеями авторов текстов, которые представляли логику разума, красоту и справедливость мира, нравственные идеалы жизни человека. Поскольку тексты требовали «правильного обращения» с ними, то рядом с автором появилась фигура критика и педагога-наставника, которые, с одной стороны, выясняли и определяли правила существования текста, а с другой, служили посредниками между автором и читателем, направляя чтение и понимание текста. Такой тип культурного существования текста порождал представление о наличии в культуре одной истины, одного идеала, одного правильного поведения.

Отраслевое строение культуры, возникновение дисциплинарной науки потребовало новой структуры университета. Под занавес века Просвещения Иммануил Кант в своей книге «Спор факультетов» обосновывает эту новую структуру университета: «Неплохо приду-

мал тот, кто впервые предложил осуществить пришедшую ему в голову мысль поступить со всей совокупностью науки (собственно, с посвятившими себя ей учеными мужами), как на фабрике, по принципу разделения труда, при котором сколько существует отраслей науки, столько же имеется оплачиваемых казной учителей, профессоров, в качестве хранителей этой науки, которые вместе составляют некое ученое сообщество, называемое университетом <...> Университет должен иметь право собственной властью принимать через свои факультеты (небольшие сообщества, образующиеся в соответствии с основными отраслями науки, к которым принадлежат университетские ученые) учащихся <и т.д.>»².

Конечно, на протяжении двух столетий, прошедших с момента появления первого университета нового типа (Берлинского университета, основанного в 1810 г.), гумбольдтовская модель претерпела немало изменений, но ее сущность сохранялась – университет (или специализированный вуз, который строился по той же модели) оставался центром обучения и производства знаний, а печатная книга, статья в журнале, выпуск дипломированных специалистов и научных сотрудников оставались главными показателями эффективности его работы. Университет гумбольдтовского типа венчал систему образования, построенную на принципах классно-урочной структуры, где «класс/курс/научная степень» указывали на ступень образования, а «урок/кафедра/факультет» – на содержание передаваемого знания. Он прекрасно справлялся со своими функциями до тех пор, пока культура оставалась культурой представления (сущности истины, идеала и необходимости), но он стал давать сбой, когда тип культуры изменился³. Современная европейская культура, утверждающаяся в процессе новой многоходовой культурной революции, начавшейся с провозглашения абсолютной свободы человека (сверхчеловек Ницше, свобода художника эпохи авангарда) и с революции в науке начала XX века, подвергшей ревизию идею единственности истины, меняет своё строение и свою ориентацию.

Современная культура:

– не строится по отраслевому принципу; это культура, по выражению А. Моля, мозаичная, олицетворением ее строения стал телевизионный экран, на котором могут быть выведены одновременно множество различных программ передач;

– перестала быть монологичной; диалог/полилог, в котором каждый голос провозглашает свою истину, пришел на смену монологу классической культуры и однозначности истины;

— утверждает новую рациональность, в которой случайность играет не менее важную роль, чем обоснованность и необходимость, логика смысла дополняет (заменяет?) логику знания;

— утверждает ценность индивидуальности и значимость действия *a recientiori* (по ситуации).

Культура представления мира Просвещения сменяется культурой присутствия, для которой приобретает ценность конкретное действие человека, а не его соответствие идеалам, нормам, методам и т.п. Культура присутствия закрепляет новый утверждающийся экзистенциальный принцип бытия человека, который М.М. Бахтин выразил экзистенциалом «моё не-алиби в бытии»: «Единственность наличного бытия — нудительно обязательна. Этот факт моего не-алиби в бытии, лежащий в основе самого конкретного и единственного должностования поступка, *не узнается и не познается* мною, а единственным образом *признается и утверждается*»⁴. Обратим внимание — не узнается и познается, а признается и утверждается, т.е. моё не-алиби в бытии, моё присутствие не открывается мне кем-то или чем-то (знанием, традицией, правилом), а заявляется и признается.

Подвижность и скорость изменения смыслов и содержания различных феноменов современной культуры уже не могут довольствоваться печатной формой предъявления продуктов культуры, производство которой, с одной стороны, задерживает передачу произведения от ее автора к читателю, а с другой — ограничивает круг читателей тиражом печатных экземпляров. Возникновение электронной коммуникации, появление компьютера и разработка различных протоколов передачи данных подготовило почву для рождения новой формы материального существования культуры присутствия. Примечательно, что в самих названиях новых феноменов медиапространства обнаруживает себя семантика присутствия: «протокол передачи данных — это набор соглашений *интерфейса ...*», сеть «*фейсбук*». Включение мотива «лица» в этих терминах вряд ли случайно.

Если символом классической культуры Просвещения была печатная книга, то символом современной культуры становится книга лиц — *Facebook*: фотографии присутствующих лиц на стене моего аккаунта. Человек заявляет о своем присутствии лайками, постами, перепостами, комментариями, изменением своего статуса и любыми другими действиями, свидетельствующими о присутствии в сетевом пространстве. Такой же тип присутствия реализуют и другие

многочисленные социальные сети новой галактики, в которой оказался современный человек. Возникает новая галактика — галактика Цукерберга.

Как галактика Гутенберга смогла дать культуре Просвещения адекватное ей пространство, в котором реализовался мир представлений, так галактика Цукерберга, создавая новое пространство презентации, требующее непосредственного присутствия действующего индивида, провоцирует новую культуру, которая способна заселить это пространство. Присутствие предъявляет человеку определенные требования. Он должен предъявить или проявить себя — либо открыть свое имя, либо прикрыться маской (в сети — ник, аватар). И в том, и в другом случае индивид вступает в зону ответственности, определяемую его собственным поступанием. Смысл этого поступания выразила известная создательница различных перформансов Марина Абрамович своим знаковым перформансом 1974 года «Ритм 0»: «Делайте все, что угодно с моим телом предложенными предметами — от ножниц до заряженного пистолета». Зритель/участник перформанса оказывается в ситуации испытания его свободы. До каких границ я могу дойти? Это вызов свободы — на что ты решишься! «Человек не должен быть свободным, он обречен на свободу!» — заявляет Сартр. Присутствие порождает новое отношение к свободе, отношение переживания самой свободы, осмысление того, что значит для человека свобода, что значит для него та новая ситуация, которая не требует долга, а предъявляет ему себя как открытая возможность действия — «Бери от жизни всё!». Это и есть ситуация вызова свободы.

Дать ответ на этот вызов — вот задача новой культуры, которая идет на смену культуре Просвещения. В культуре Просвещения свобода — это ответ на зов необходимости, знание необходимости и действие сообразно с нею было гарантией свободы. Для нового варианта культуры модерна (а мы продолжаем традицию именно культуры Нового времени, которая идею свободы человека взяла у Возрождения), для модерна не в варианте представления, а в варианте присутствия — ответ на вызов свободы укоренен в том опыте свободы, которым владеет человек.

Думаю, что смысл работы современного университета и заключается в приобщении студента и преподавателя к опыту свободы. Как это может быть реализовано? Вряд ли можно представить себе некий методический комплекс, который указывал бы на конкретные практики, однозначно ведущие к достижению искомой цели.

Ясно, что опыт свободы является не просто личностным опытом, но и опытом глубоко индивидуальным, который приобретает в процессе самой индивидуации. Культивирование способности распознавания индивидуации и понимания ее ценности и должно определять логику действия современного университета и структуру его педагогического пространства. Условия галактики Цукерберга открывают возможности такой перспективы.

Нынешний университет живет в глобальном информационном пространстве. Гравитационное напряжение этого пространства определяется появлением в нем «ключевых/хэштег» тем/событий, которые требуют к себе отношения. «Лайки» в *Facebook* или *Instagram*, «ретвиты» в *Twitter* – это символы действия в пространстве галактики Цукерберга. Входя в это пространство, человек заявляет о себе, включаясь в образующиеся информационные вихри. Что это значит для университетского действия?

Образовательное пространство современного университета распадается на две части: традиционное пространство аудитории (1) и сетевое информационное пространство (2). Центр тяжести работы с информацией (освоение знаний) переносится (должно переноситься!) в сетевое пространство. Современный преподаватель не должен озвучивать учебный материал (учебник), его дело – создание и размещение в сети учебной информации, которая должна быть оформлена методически грамотно и с использованием ресурсов, предоставляемых интернетом. Студент работает именно с таким образом оформленной учебной информацией. Причем эта учебная информация может быть подготовлена вовсе не преподавателями того университета, в котором студент числится. И современная сеть уже содержит такого рода материалы (например, MOOC – MassiveOpenOnlineCourse). Совершенно очевидно, что эта тенденция предоставления учебной информации (*on-line* обучение) будет развиваться и со временем станет доминирующей формой. Но, хотя эта форма деятельности студента университета и может работать на культивирование опыта индивидуации (студент может выбирать сам информационные ресурсы, отдавая предпочтение тем или другим источникам), однако ее смысл другой – передача необходимых в той или иной профессии знаний.

Подлинная университетская деятельность начинается на пространстве личного контакта профессора и студента; я бы назвал это пространство не аудиторным, а кафедральным пространством, или пространством вопрошания. Здесь студент не слушает,

что ему говорит профессор (аудио), а обращается с вопросами по поводу освоенного материала, здесь идет живое обсуждение возможных смыслов полученной информации, в ходе которого знание становится событием мысли. Знание как событие мысли (М.К. Мармардашвили) перестает быть информацией, раскрывая свои смыслы. Знание в информационном пространстве представлено в логике мышления, а знание как событие мысли в пространстве вопрошания живет в логике смысла (логике с-мысления⁵). Поэтому необходимым условием действия в пространстве вопрошания становится овладение логикой смысла⁶, что требует от участников диалога нового отношения к работе с сознанием, направленного на понимание. Ибо «понимать – значит прикасаться к логике то же иначе [так акад. РАН А.В. Смирнов называет логику смысла – В.К.], осуществлять связность, таящуюся за чешуей значений. Через связность, через работу с ней и через ее явственный показ – выявить логику становления значения; показать, как и почему значение оказывается именно таким, каким оказывается, и что значит “значить”»⁷. Идея связности и ее явственный показ, которая обнажает логику смысла, становится очевидной для современной культуры благодаря сетевому пространству. Смысловые вихри галактики Цукерберга, образующиеся на поверхности гипертекстов сетевого пространства, «клиповое мышление», блогосфера, твиттер, чат, смс-ки, фотографии в инстаграм, – все эти проявления новой электронной галактики основаны на создании связности, на пробуждении смысла. Именно галактика Цукерберга, пришедшая на смену галактике Гутенберга, обнажила различие смысла и значения, мысли и знания, а тем самым и поставила университет перед необходимостью менять свою педагогическую ориентацию – учить не знаниям, а умению мыслить, не мышлению, а с-мыслению.

Конечно, такая работа с пониманием знания (умением с-мыслить) осуществлялась и в классическом университете. Но эта работа была достоянием талантливых педагогов, выдающихся ученых, которые вовлекали отдельных своих воспитанников в науку, это была работа не в пространстве университета, а в пространстве научной школы. Учить мыслить – это было искусством, которым владели и владеют далеко не все педагоги. А сейчас наступило время, когда это искусство должно стать умением, способностью, профессиональным качеством любого университетского (да и не только университетского!) преподавателя.

Как это реализовать в наших отечественных университетах? Это особый и долгий разговор о тех изменениях, которые насущно необходимы, если мы хотим сохранить университетское образование на современном уровне, а тем самым и дать импульс развитию страны и сохранению ее суверенитета. И абсолютно права современная педагогика, что школа, вуз должны формировать способности. Да, способности, но не те компетенции, которые обозначаются в так называемых «картах компетенций» и которые расписываются в учебных планах по дисциплинам, а в «рабочих программах» даже по темам лекций и практических занятий. Эти «компетенции» ничего общего не имеют со способностями, хотя латинское слово *competentia* и несет в себе смысл «способность».

Примечания

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга / Пер. с англ. А. Юдина. Киев: Ника-центр, 2003.

² Кант И. Спор факультетов / Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; отв. ред. Л.А. Калининков. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 46, 48.

³ См.: Ридингс Б. Университет в руинах / Пер. с англ. А. Корбута. М.: Изд. дом Гос. университета – Высшая школа экономики, 2010.

⁴ Бахтин М.М. К философии поступка (публикация и вступительная заметка С.Г. Бочарова, примечания С.С. Аверинцева) // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М.: Наука, 1986. С. 112. (Курсив мой. – В.К.)

⁵ Смирнов А.В. Событие и вещи. М.: ООО «Садра», Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 28.

⁶ См.: Делёз Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свицкого. – М.: «Раритет», Екатеринбург: «Деловая книга», 1998; Конев В.А. Две концепции логики смысла: Жиль Делёз и Андрей Смирнов. Часть первая. Часть вторая // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 37-47; 2017. № 8. С. 80-88.

⁷ Смирнов А.В. Событие и вещи. С. 26.